

А. Я. Дегтярев

О ЧЕТЫРЕХ РИСУНКАХ ИЗ АЛЬБОМА МЕЙЕРБЕРГА

Альбом Мейерберга¹, содержащий более 40 зарисовок русских городов, сел и деревень, располагавшихся на линии Псков — Новгород — Москва, стоит первым в ряду графических источников по истории русского сельского поселения и жилища. Строгая локализация зафиксированных поселений, реалистическая манера изображения выполненных с натуры зарисовок — все это, как отмечал Г. Г. Громов, «позволяет отнести к альбому Мейерберга, как к наиболее достоверному и точному материалу среди других графических источников по русскому крестьянскому жилищу XVI—XVII вв.»².

В качестве источника по истории жилища материалы альбома были специально рассмотрены Г. Г. Громовым, который проанализировал ряд изображенных на рисунках построек и сопоставил их с собранным позднее этнографическим материалом.

Рисунки альбома — не схемы или чертежи и поэтому не дают исчерпывающего представления об облике поселений, поскольку последние изображены на них чаще всего не целиком. Однако информационное значение рисунков резко возрастает, если сопоставить их с описаниями этих поселений, сохранившимися в писцовых книгах. Такое сопоставление прежде всего позволяет судить о том, насколько полно запечатлен на рисунках облик поселений, другими словами, насколько полно донесена информация о размерах поселений. Кроме того, сопоставление рисунков и описаний дает дополнительные сведения о различиях в структуре крестьянского и помещичьего дворов в изучаемое время³, а в ряде случаев позволяет судить о принципах постройки жилищ и т. п.

Путь от Пскова до Новгорода занял у Мейерберга шесть дней: «Выехав из Пскова 28 апреля и сделав 300 верст, 1 мая прибыли в деревню Солыцу при реке Шелони; тут сели в лодки и той же рекой приплыли к озеру Ильмену; им около берега тустанаселенного сделали до 70 верст и 3 мая пристали в Великом Новгороде»⁴. Мы располагаем

¹ См.: А. Мейерберг. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903. В этот альбом, известный в историографии как альбом Мейерберга, вошли путевые зарисовки, сделанные одним из участников посреднической миссии Августина Мейерберга (1661—1662 гг.), направленной в Россию австрийским двором для содействия примирению России и Польши, а также для заключения союза против Турции. По мнению Г. Г. Громова, автором альбома был художник И. Р. Сторн (см. Г. Г. Громов. Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища.— «Сов. этнография», 1955, № 1, с. 164).

² Г. Г. Громов. Указ. раб., с. 164.

³ Подробнее о них см. А. Я. Дегтярев. Крестьянский двор и поместное усаждение Северо-Запада Руси в XVI в.— «Этнографические исследования Северо-Запада СССР». Л., 1977, с. 11—16.

⁴ «Донесение Августина Мейерберга императору Леопольду I о своем посольстве в Московию».— «Чтения общества истории и древностей российских», кн. I. М., 1882, с. 9.

Рис. 1. Дубровна (Альбом Мейерберга, рис. 12)

двумя близкими по времени к рисункам документами, содержащими описание территории, включающей в себя пункты, через которые следовало посольство на этом отрезке пути. Это писцовые книги Шелонской пятины 1646⁵ и 1678 гг.⁶ Посольство Мейерберга проезжало через эти места в 1661 г., т. е. в середине периода, прошедшего между описаниями, и рисунки зафиксировали какой-то промежуточный момент эволюции поселений между переписями. Сопоставление материалов переписных книг 1646 и 1678 гг. и рисунков альбома позволяет сделать наблюдения, интересные как для характеристики альбома Мейерберга, так и для истории русских сельских поселений XVII в.

Обратимся к рассмотрению четырех поселений, изображенных в альбоме.

Дубровна (рис. 1). В левой части рисунка изображены развалины каменного строения, деревянная церковь и неподалеку от нее три сруба. Развалины — остатки церкви Рождества Святой Богородицы, отмеченной на погосте в 1576 г.⁷ Построенная на ее месте и действовавшая в середине XVII в. церковь сохранила это посвящение⁸.

Три сруба рядом с церковью — дворы церковного причта, в 1678 г. их указано также три, в описании 1646 г. они не упоминаются.

В 1646 г. на погосте находилось 12 крестьянских и 3 бобыльских двора. В них отмечено писцом 37 душ муж. пола⁹, а общая численность населения в этом пункте достигала, по-видимому, 80 человек. К 1678 г. структура поселения значительно изменилась: здесь осталось лишь 2 крестьянских двора (13 душ муж. пола), 1 бобыльский (5 душ муж. пола), 1 двор задворного человека (7 душ муж. пола), 3 двора церковного причта и появился помещичий двор, в котором жили 14 душ дворовых. Общая численность населения погоста сохранилась на прежнем уровне. Таким образом, в 1646 г. в Дубровне было 15 дворов, в 1678 г. — 8, правда, гораздо более вместительных (число душ мужского пола увеличилось в расчете на 1 двор с 2,5 до 5). Сохранившееся на прежнем уровне число жителей позволяет говорить о том, что и количество по-

⁵ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 1209, кн. 310.

⁶ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 8570.

⁷ «Новгородские писцовые книги» (далее — НПК), т. V, ст. 667. Эта (или предшествующая ей) церковь существовала уже на рубеже XIV—XV вв. См. А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962—1976 гг. М., 1978, № 520.

⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 310, л. 315.

⁹ Там же.

Рис. 2. Опоки (Альбом Мейерберга, рис. 13)

строек жилого и хозяйственного назначения тоже должно было остаться на уровне 1646 г. и составлять не менее 30—40. На рисунке можно насчитать лишь 12 срубов, не считая церкви. Это заставляет полагать, что перед нами лишь часть погоста Дубровны.

Группа построек, расположенных справа за церковью (на рисунке видны 5 срубов), объединенная одними воротами, т. е. представляющая отдельный двор,— это, скорее всего, отмеченное в книге 1678 г. поместье «усадище», в котором жили 14 дворовых. В пользу такого предположения говорит и большое число срубов (на рисунках их пять, но, возможно, еще несколько, находящихся в глубине двора, скрыты строениями, выходящими на улицу), и расположение этого комплекса вблизи церкви. На правой стороне деревенской улицы изображены четыре срубных постройки, три из них относятся к одному двору, четвертая же может принадлежать как этому, так и соседнему.

Опоки (рис. 2). На рисунке Опоцкого погоста четко различаются три обособленные группы строений по 4—6 срубов в каждой. Кроме того, видны развалины двух каменных сооружений. Об одном из них лаконично сообщает книга 1646 г.: «храм Николы Чудотворца каменной пуст»¹⁰. Второе сооружение — остатки храма Ильи Пророка Опоцкого монастыря¹¹.

В 1646 г. на погосте располагались два больших помещичьих «усадища» — Матвея Косицкого и Григория Брянцева¹². По-видимому, две группы срубов (левая и центральная) как раз и являются господскими дворами. В пользу такого предположения говорят и явные различия в принципах их постройки. В левой группе преобладает однорядная связь жилища и хозяйственных построек, в центральной — хозяйственные постройки примыкают к жилищам перпендикулярно.

Можно предположить, что Опоки изображены на рисунке полностью. Эволюция этого поселения шла в данный период по нисходящей линии. В ряду причин, способствовавших этому, не последнюю роль сыграло то, что в одном из соседних сел — Костыжицах — была построена церковь, а это привело к угасанию погоста в Опоках как культового центра. К 1678 г. здесь остался лишь один помещичий двор. Остальная часть

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 310, л. 308. Эта церковь была построена на рубеже XV—XVI вв. В 1498 г. писец отметил, что ее «ставят и строят всем погостом» (НПК, т. IV, ст. 162).

¹¹ НПК, т. V, ст. 680.

¹² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 310, л. 308, 311.

поселения охарактеризована кратко, но выразительно: «погост Опочкий пуст на реке на Шелони»¹³.

Сольца (рис. 3). На 15-м рисунке альбома изображена Сольца. В 1582 г. это поселение, в котором насчитывалось 4 церковных и 25 дворов колесных мастеров¹⁴, было превращено в слободу колесных мастеров¹⁵.

К 1646 г. слобода разрослась: здесь был 41 двор колесных мастеров (90 душ муж. пола) и 3 двора церковного причта. Численность населения Сольцы составляла около 200 чел. Еще более внушительным стало поселение к 1678 г., когда в 44 дворах числилось уже 162 души муж. пола, в том числе 102 взрослых. Сохранилось и три церковных двора. Число жителей к этому времени превысило 300 чел. Следовательно, в момент посещения Сольцы посольством Мейерберга в ней проживало не менее 200 чел. Ясно, что они не могли разместиться в двух десятках срубов, изображенных на рисунке. Перед нами лишь часть (причем небольшая) этого поселения. На заднем плане рисунка (в излучине реки) изображена церковь пророка Ильи, неоднократно отмеченная в писцовых книгах. Часть срубов рядом с ней, видимо, дворы церковного причта.

Интересна расположенная в левом углу рисунка группа из пяти примыкающих друг к другу срубов — своеобразная пятирядная связь. Г. Г. Громовым этот комплекс определен как «изба с параллельными пристройками, имеющими каждая вход и одно окошко»¹⁶. «Но мы, к сожалению, не знаем, — отметил он далее, — одному ли хозяину принадлежали эти избы»¹⁷. Полагаем, что перед нами постройки, относящиеся к одному хозяйству. По писцовой книге 1646 г. в Сольце имелись три двора с 5 душами муж. пола в каждом и пять дворов — с 4 душами муж. пола¹⁸. В 1678 г. в Сольце было четыре двора, где жили по 7 душ муж. пола, причем в двух из них было по пять взрослых мужчин¹⁹. В первом вместе с отцом жили четыре взрослых сына, из которых по крайней мере два имели свою семью²⁰. Во втором — отец с двумя семейными сыновьями, взрослым сыном и наймитом²¹. Одному из этих хозяйств, возможно, и принадлежит изображенный на рисунке пятирядный конгломерат. Появление подобных построек явилось, на наш взгляд, следствием начавшегося в 30-х годах XVII в. перехода к подворному обложению. Такие конгломераты — результат стремления разрастающейся семьи остаться «за одними воротами», уйти от неизбежного в случае отпочкования хозяйств роста платежей. Поэтому новые постройки — хозяйства взрослых женатых сыновей, племянников и т. п. — вплотную примыкают к старым. Такие изменения в структуре крестьянского двора были формой сопротивления росту повинностей. Правительство это скоро осознало, и у писцов появилась новая обязанность — следить за тем, что представляет собой каждый крестьянский двор. Именно поэтому в переписной книге 1678 г. встречаются частые замечания писцов о разделении таких (или похожих на них) конгломератов на несколько самостоятельных дворов — хозяйств с соответствующей раскладкой государственных повинностей: «...да в том же дворе написаны с ним, Яшкой, крестьяне..., а живут оне в особых избах (разрядка наша. — А. Д.), а не с ним, Яшкою, вместе. А по осмотру пригорожены дворы их ныне вновь»²².

¹³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 8570, л. 34.

¹⁴ Там же, кн. 957, л. 1267.

¹⁵ «Аграрная история Северо-Запада России в XVI в.» Л., 1974, с. 132.

¹⁶ Г. Г. Громов. Указ. раб., с. 166.

¹⁷ Там же, с. 167.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 310, л. 116—120.

¹⁹ Там же, кн. 8570, л. 403—405.

²⁰ Там же, л. 404.

²¹ Там же, л. 405.

²² Там же, кн. 8570, л. 368.

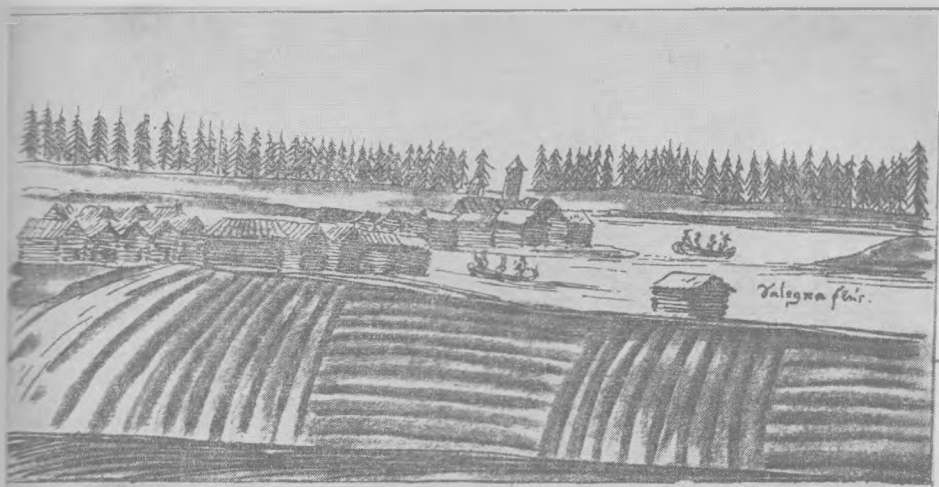

Рис. 3. Сольца (Альбом Мейерберга, рис. 15)

Таким образом, подобные постройки получили распространение в период перехода к подворной системе обложения и явились реакцией крестьянства на новые социально-экономические условия. С переходом в XVIII в. к подушной подати исчезает и необходимость в постройках такого типа.

Голино (рис. 4) на рубеже XV—XVI веков было крупным поселением. В 1501 г. на погосте насчитывалось 60—70 дворов²³. В середине XVII в., как и прежде, значительную роль в жизни поселения играл рыбный промысел — свидетельство тому промысловые суда, изображенные на рисунке. Небольшие строения на берегу озера — вероятно, хранилища для снастей и помещения для обработки рыбы, а также бани.

В 1646 г. в Голине проживало 120—130 человек, причем преобладали в селе крестьянские дворы (20 дворов, 62 души муж. пола). Была здесь и церковь (Петра и Павла), а при ней два двора (попа и дьячка).

На рисунке, если не считать церкви и 10 небольших срубов подсобного назначения на берегу Ильменя, изображено 18 строений. Часть их объединена в группы по 3—4 сруба. Г. Г. Громов полагает, что это крестьянские дворы²⁴. Интересна расположенная перед церковью группа из трех примыкающих друг к другу строений — трехрядная связь, подобная той, что в Сольце. Происхождение ее вызвано теми же причинами — введением подворного обложения, а принадлежать она могла одной из двух больших крестьянских семей, в каждой из которых в 1646 г. имелось по 6 крестьян мужского пола.

На рисунке можно насчитать 4—5 групп построек, которые мы вслед за Г. Г. Громовым отождествляем с крестьянскими дворами. Таким образом, художником изображена лишь четвертая или даже пятая часть села (4—5 из 20 зафиксированных в переписной книге дворов)²⁵.

Неполнота изображения поселений на всех рассмотренных рисунках вызвана, на наш взгляд, рядом причин. Оставляя в стороне чисто технические, например размер имевшихся в распоряжении художника листов бумаги, отметим, что одной из них могли быть и реликты гнездо-

²³ НПК, т. V, ст. 300. 9 обож (21 крестьянский двор) принадлежали великому князю, 7 обож (число дворов неизвестно) — Никольскому монастырю. Кроме того, на погосте было 29 дворов рыболовов и несколько дворов церковного причта.

²⁴ Г. Г. Громов. Указ. раб., с. 169.

²⁵ Вероятно, на рисунок не попали: часть поселения, расположенная в основании изображенного на рисунке мыса, и постройки, находившиеся на противоположном его склоне, скрытом от художника и зрителя.

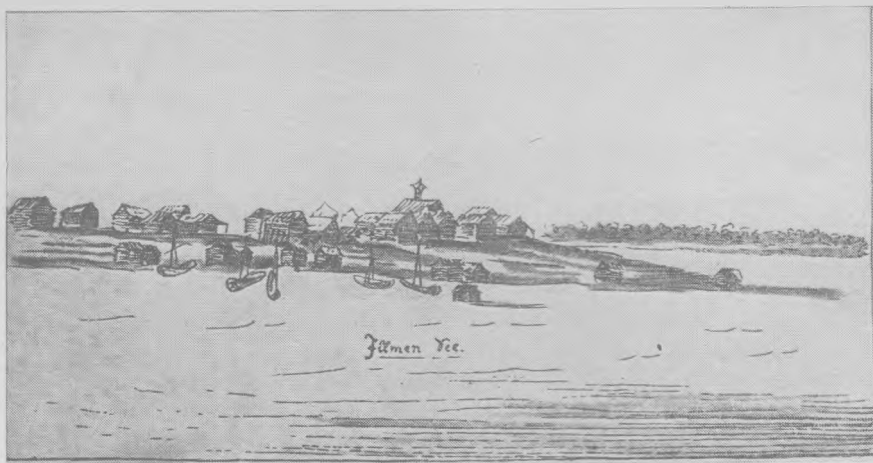

Рис. 4. Голино (Альбом Мейерберга, рис. 16)

вого типа расселения, подтверждений которому не нашел в рисунках альбома М. В. Витов²⁶. Ему не удалось это сделать, поскольку на многих рисунках альбома изображены лишь части поселений, обычно центральные, где находились церкви. Не исключено, что другие части этих сел и деревень, располагавшиеся в непосредственной близости от изображенных на рисунке, были в более раннее время элементами гнезд поселений.

Дальнейшее изучение писцовых книг середины и второй половины XVII в., относящихся к районам, через которые проследовало посольство (псковские земли, новгородские пятины, центральные уезды), несомненно, увеличит возможности для сопоставления рисунков альбома с описаниями поселений в писцовых книгах, а это расширит наши представления о русском сельском поселении, крестьянском дворе и жилище. Кроме того, материалы альбома, как ясно из разбора даже нескольких рисунков, могут дать дополнительные сведения для источниковедческой проверки писцовых книг XVII в., степень достоверности которых уже в течение нескольких десятилетий обсуждается в отечественной историографии.

²⁶ М. В. Витов. Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение.— «Сов. этнография», 1955, № 2, с. 32.